

Присказка

– Нити судьбы перепутались – нас ждут потрясения!

Горящие жизнью глаза смотрели в безоблачное небо Ирия. Перед светлыми девичьими очами раскинулись бескрайние лазурные просторы, по которым, неспешно семеня золочеными копытцами, упряжка лучащихся светом скакунов тащила за собой сверкающую повозку. Царственный возничий небрежно держал в одной руке удила, мастерски выделанные и украшенные камнями, больше похожими на осколки ночных звёзд, в другой – золочёное копьё, разящее без промаху, не знающее для своего укола ни преград, ни расстояний. Яркие лучи, рождаемые ударами копыт, уносились далеко за пределы Небесного Сада, отдавая своё тепло новой жизни, согревая и ободряя уставших, вдохновляя на подвиги сильных и игривыми зайчиками заходя в гости к самым маленьким. Дарующий Царь даже после раскола Единой Сварги не оставлял своих детей без отцовской заботы и тепла, он щедро расплёскивал Силу над миром Явным, сетуя, что его лучи перестали достигать мира Навьего, раскинувшегося ныне за кромкой и отделённого от Небесного Сада миром людей.

Взирать на небосвод, не пряча глаз от палящих лучей, было невозможно, но девушка не замечала этого. Тербя веретено, полное разношерстных нитей, она пронизывала своим взором время и расстояние, умудряясь заглянуть за грань несвершённого. Прядильщица ёжилась, видя то, что было недоступно иным детям Небесного Кузнеца, то, что уже свершилось, но ещё не началось, то, что можно было изменить, но изменения и их последствия были скрыты даже для неё. Проворные девичьи пальцы судорожно перебирали нитки, пытаясь подцепить ноготками и выудить на Дажьбожий свет так упорно ускользающие смыслы и

ответы. Безуспешно. Поддавшись секундному отчаянию, она едва не швырнула веретено в печь, но встретившись с изучающим взглядом гостя, сидящего на лавке подле распахнутого окна, чудом не выронила нити и спрятала дрожащие руки за спину.

– Я чую идущее на нас. Но не вижу за его пределом, – она взяла себя в руки и вопросительно посмотрела на собеседника. – Что ведомо тебе?

Гость, молча пожеывая губу, продолжал изучать отошедшую от распахнутого окна хозяйку, которая не сводила с него глаз. Молодой, статный, но при этом крепкий и коренастый, с едва пробившейся угольно-черной бороденкой, он больше напоминал пышущего здоровьем бычка трехлетку, нежели человека. Хотя, если присмотреться с другой стороны, в нем крылась и таинственная мощь таежного мишки. Когда молчание, горячим киселем заполнившее горницу, стало давить на плечи, мужчина поерзал на скамье, на которой восседал всё это время, и, не говоря ни слова, схватил за шиворот чёрный комок, копошащийся в ногах, поднес пищащего от негодования котенка к глазам, ровно на столько, чтобы зверьку не хватило длины лапок оцарапать лицо, и фыркнул:

– Экий озорник.

Гость с неподдельным интересом изучал котёнка, щекоча теплый животик указательным пальцем свободной руки. Хозяйка недовольно сощурилась, вспоминая отголоски видений.

Разъедая ошестинившийся мрак, белые лучи насквозь пробивали непроглядную завесу изначальной ночи. Чёрные тени позорно бежали, не в силах противостоять вероломным захватчикам, вторгшимся в извечную вотчину и пронизывающим всю суть мироздания. Темнота

шкварчила и таяла, отдаваясь на поругание беспощадному налётчику. Мир, сотканный из мрака, рушился, теряя последних защитников, не имеющих сил противостоять вторжению. Льющийся из ниоткуда бледный и безжизненный свет, забирал всё, не оставляя тьме ни малейшего шанса. Мрак бежал, но не мог сравниться со скоростью и настойчивостью безжалостных лучей. Обезумевшей от страха тьме чудилось, что безликий шепчет:

– Остановись. Отдайся мне. Я создам нечто новое, отдам себя, всего себя...

Тьма не слушала и бежала, уже понимая, что ей не уйти.

Когда во всепоглощающем свете осталось несколько съезжившихся островков изначального мрака, из спящей белизны вынырнула мохнатая медвежья лапа, поскребла когтями тьму и скрылась в сияющей белизне.

Извечной ночи показалось, что из света тут же раздалось недовольное кошачье мявканье, но она не была уверена, потому что свет поглотил остатки тьмы.

– Кис-кис-кис. Поиграешь со мной?

Агато-чёрный, без единого светлого пятнышка, котёнок играть не желал – яростно защищался, грозя разъяренными изумрудными глазами. Оскалившийся ротик шипел, жаждал схватить и разорвать наглеца, растопыренные лапки, усеянные бусинками-коготками, стремились вцепиться и растерзать. Но силы были предательски не равны – малышу ничего не оставалось, как болтаться, без надежды на освобождение, в крепких пальцах схватившего.

Не обращая внимания на гневный взор хозяйки дома, негодование за проигнорированный вопрос, гость положил

присмиривший комочек себе на грудь и начал ласково гладить мурчащего кота широченной ладонью.

– Сиротка мой.

– Ну да! Сиротка! – фыркнула девица. – У этого сиротки аж девять жизней!

– Девять-то девять, вопрос лишь: долго ли ему их носить?

Гнев тут же схлынул с лица хозяйки. Девушка плавно опустилась на скамью подле печи, положила веретено на колени и, немного помедлив, ответила:

– Чую, что в мире живых начало рождаться что-то невообразимое.

Зачин

– Сладко.

Я с интересом смотрел на своё чернеющее одеяние. Выедающая белизну плесень пахла всё слаще и слаще. Её дурманящий аромат проникал всюду, не оставляя без внимания ни пяди вокруг. Плесень, жадно чавкая, словно изголодавшийся зверь, поела меня былого. Меня прежнего. Того, что остался единственным помнящим среди мира слепцов.

Поначалу было больно... нет, скорее – непривычно. Боль была раньше, намного раньше. Когда из глубины моего естества полезла гниль – я уже не боялся боли. Поздно, отбоился. Перетерпел. Пережил. Изжил из себя остатки былого, выскреб из глубины самости последние крохи прежнего меня. Оставляя лишь голодную пустоту.

Разверзшаяся в груди бездна требовала вернуть потерянное. Я сам был ею – бездонной пропастью, собственноручно лишённой своего же естества. Будучи осколком былого величия, тенью Прародителя, разделившего себя на многие множества, я первым угодил в голодную пасть, желающую заполнить разверзшуюся во мне пропасть. Былой Я ещё сопротивлялся, но Я нынешний, безропотно принявший случившееся, отдался бездне, которая начала источать благоухающую плесень. Чтобы стать её хозяином, мне пришлось стать первой жертвой.

Единая Сварга трещала по швам. Глупцы! Занятые своей мелкой возней, вы даже не сразу поняли, что происходит, и упустили момент, когда можно было всё исправить.

– Исправить...

Я улыбаюсь. В последний раз, перед тем как слизкая сладость покроет мое лицо, оставив два багряных огонька глаз.

– Как я вас всех ненавижу!

Клокочущая ярость ворочается на дне бездны. Ярость хочет пожрать всё и всех. Но я слишком слаб. Быть памятью, лишенной Силы – идеальное наказание. За что? Почему? Я помню, но не могу изменить. Вы ничего не помните, что было за мгновение до... А если бы и помнили? Ваши крупницы Силы ничто, по сравнению с той, что была у меня.

– Я соберу всё! Всё без остатка.

Накормлю рычащую бездну и вновь стану собой прежним. Единым и неделимым. Ах как сладок будет тот миг. А пока... Пока мне нужно собрать те крохи, что успел скопить за столь непродолжительное время. Собрать и снова отдать. Как же это невыносимо – отдавать. Тогда, будучи единым, я не понимал это, с радостью расплескал первозданный свет, не оставив себе ни капли Силы.

– Нужно собрать, нужно вернуть!

Стихии – первый мазок новорожденного мира, первое разделение единого. Я не могу взять всё, но крупницы дадут мне шанс, станут тем камешком, что в скором времени превратится во все сметающую лавину. Огонь, вода, земля и ветер – первая пища для меня нового, слабого и никчемного.

Лунный свет ласкает моё истерзанное плесенью тело. Он баюкает раны, зализывает рубцы, ластится, помня меня прежнего. Тем проще осуществить задуманное. Свет трепыхается, пытаюсь сбежать к матери-Луне. Поздно. Слишком поздно. Плесень покорно принимает его в свои ладони... в мои ладони. Свет всё ещё пытается выбраться, но ему не удаётся, и он с покорностью принимает уготованную мною участь. Свет сворачивается клубком, призрачным младенцем на моих руках. Двумя младенцами.

Но это лишь иллюзия.

– Отец.

Дочери, мои дочери. Я отдал вам почти всего себя. Как же это невыносимо – отдавать. Ненавижу!

– Ищите детенышей живых с яркими искрами.

– Выпить их?

– Привезти к тебе, отец?

Две близняшки, поделившие между собой расколотое надвое время: день и ночь. Такие же слабые и жалки, как всё вокруг. Такие же, как я. Отражения мой никчемности.

– Они должны позабыть себя, отказаться от памяти предков. Только мне позволено помнить.

– А потом выпить?

– Или вести к тебе?

– Отпустить.

– Но зачем?

– Они приведут за собой многих других.

Сказ 1. Дети подлунного света

– Спи, моя радость, спи.

Дородная молодая баба, позёвывая, мерно покачивала люльку-зыбку. Подвешенная к потолку избы та нехотя раскачивалась из стороны в сторону, брюзжа и поскрипывая на нерадивую малютку, которая ни в какую не желала засыпать, переходя с хныков на жалобный скулёж и обратно. Вымотавшаяся за день мать вздохнула, посильнее качнула колыбель в надежде, что дочурка уймется и наконец-то заснет. Подумала о старших мальчишках, которые, набегавшись за день, мерно посапывали на полатах, вспомнила о тайной радости, услышанной от повитухи, которая возвестила, что на этот раз боги послали дочурку, шмыгнула от обиды на мужа, который не разделил её чувств, сетуя на лишний рот, вместо ожидаемых дополнительных трудовых рук, и нехотя поднялась с лавки, протягивая широкие мясистые ладони к младенцу.

– Что ты, что ты! – она нежно прижала ребенка к груди.
– Кто обидел, кто обозлил, кто взглянул косо, кто плакать кроху заставил?

Малютка на миг притихла, заработала ручками и губками в поисках такого вкусного молочка. Зачмокала, не переставая скулить. Мать, которой в скором времени нужно было вставать и приступить к новому трудовому дню, вздохнула и мелодично запела, стараясь не разбудить завозившихся мальчишек.

*Мирно спит в чулане кот,
А под клетью мышка.
Сон целебный к нам идёт,
Спи, моя малышка!*

*Медвежонок спит в бору,
Спит в хлеву корова.
Ты усни, усни скорей,
Ласковая рёва!*

*Перестань уже реветь,
Маленькая плакса.
Убаюкаю тебя,
Доченька – Варакса!*

Женщина подошла к столу, прижимая к груди ребенка, потянулась к миске, выдолбленной из липы. Подняла на льющийся из окна лунный свет смоченный в меду лоскут ткани, в который был завернут размоченный хлебный мякиш, прислушалась. Наевшийся молока малыш притих и сладко посапывал – соска не потребовалась. Мать положила лоскут обратно в миску, облизнула пальцы. Задумавшись, продолжила укачивать дитя. В тяжелой от недосыпания голове рождались картины-образы грядущего дня, а точнее ворох дел, которые нужно будет переделать по хозяйству. Баба вздохнула:

– Расти-подрастай, Вараксушка, – она нежно прижала дочку к груди. – Будешь мне помощницей, да отрадой очей, пока в чужой дом не убежишь, да сама хозяйкой не станешь. Ребятишки будут отцу в подмогу, а ты мне. Ещё детишек принесу – нянчиться будешь, ночами мне помогать. А пока спи-поспи.

Размечтавшаяся мать, сладко позёвывая, повела затекшими плечами. Вернулась к люльке, аккуратно положила младенца. Прислушалась – нет, кроха не заревела. Баба качнула люльку и улеглась обратно на лавку, отдаваясь теплу брошенного поверх досок кожуха. Широко зевнула, предвкушая недолгий и оттого особенно сладкий сон. Закрыла глаза.

Вновь зевнула. Сон не шёл. Она вздохнула полной грудью, с наслаждением впуская в себя пропитанный ночной прохладой воздух, бодрящий и остужающий распаленное за знойный день тело. Поёрзала – скатавшийся ворс козуха колот обгорелую шею, взопревшую, несмотря на легкий озноб подлунного царства. Прислушалась. Сердце кольнула надломленная игла тревоги. Вдали забрехала собака, затем ещё одна – ближе. Через некоторое время подал голос их дворовый пёс Молчан – массивный, но осунувшийся от старости волкодав. Гавкнул и тут же заскулил, заскребя когтями по навесу для дров, под которым ночевал. Хлопнули крылья пiskuна-нетопыря и тотчас все звуки стихли, даже цикады на мгновение угомонили свой треск.

– Кажется, померещилось? – пробубнила встревоженная мать одними губами и замолчала.

Сквозь возобновившийся нервный цокот сверчков и цикад, мерный шелест трав и веток, терзаемых гулёмой ветром, до неё донеслись шаги: тихие, едва слышимые, словно палые листья ложатся на пожухлую траву. Но она точно знала, что это шаги... или всё же ей только почудилось?

– Неужели Ждан вернулся? – попыталась успокоить сама себя, нервно теребя край козуха.

Тут же отвергла эту мысль – супруг был сейчас на дальнем выпасе с конями, и если бы даже решился бросить подпасков, то вряд ли успел ранее утра добраться до поселения, да и через частокол ночная стража его ни за что не пропустит.

Отринув боль в шее, усталость и тревогу за чадо, она превратилась в слух. Неужели кто-то лихой? Сердце оседлало норовистое чувство беспокойства и пустилось вскачь, рискуя вырваться из груди. Взволнованная мать собралась вскочить, разрываясь между желаниями заорать,

да позвать соседей или поскорее похватать ребяташек и дать деру из избы, в которую, как ей сейчас казалось, совсем недавно привел её супруг. Не успела.

Неспешно ступая лёгкими шажками по лунному свету, в горницу проникла тень в белых одеяниях. Хозяйка избы, потерявшая дар речи, натужно засопела в такт сердцу, резво ускорившему бег. Выпучив глаза, она неотрывно глядела на происходящее, не в силах разобрать, как на самом деле выглядит ночная гостья. То, что именно гостья, баба поняла по её изодранной полупрозрачной одежде, на которую черными паклями падали длинные волосы. Пришлая была боса, каждый её шаг отдавался шелестом палой листвы. Не обращая внимания на испуганную женщину, она хозяйски провела бледной ладонью по столу, мимолетным движением коснулась края миски с замоченной в меду соской, заставив бабу вздрогнуть. Затем все так же неспешно, будто плывя, подошла к колыбели, взялась за одну из веревок, держащих люльку над полом, и двинулась противосолонь.

Молодая мать нашла в себе силы двинуть замершей от страха рукой, потянулась к младенцу, желая остановить закручивание колыбели, навесы которой стянулись в туго скрученный жгут. Баба попыталась открыть сведенный оскомой рот, сиюсья закричать в надежде, что соседи услышат и придут на помощь, но из высохшего зева раздалось лишь невнятное глухое тьяканье.

Гостья отреагировала мгновенно. Её молодое бледное лицо с зияющими чернотой впадинами вместо глаз тут же устало на женщину, которая начала судорожно заикаться. Одной рукой пришлая с недюжей силой крутанула колыбель, которая, набирая скорость, начала раскручиваться, и под оглушительный рев младенца пальцем другой руки подковырнула лунный свет,

следовавший за ней по пятам, чтобы тут же швырнуть в оторпевшую мать тонкое копьё.

Пригвожденная к бревнам дома баба беззвучно застонала. Лунная сулица прошла у неё над правой ключицей, лишая всякой возможности воспрепятствовать действиям гостыи. По лицу текли слёзы. Рот беззвучно открывался и закрывался, силясь произнести имя дочери. Пальцы скребли по бревнам. Не в силах отвернуться, она с болью в сердце наблюдала за происходящим.

Гостыя веселилась во всю. Заливаясь смехом над плачущим ребенком, она, зло шипя, щипала и пихала малютку, голосящую и зовущую маму, которая не могла сдвинуться с места, чтобы ей помочь. Вдоволь наигравшись, пришлая протянула руки к младенцу, вынула из люльки и начала убаюкивать, косясь на бабу, которая трепыхалась куропаткой в силках, лишённая возможности прийти на помощь кровинушке.

Надрывисто требовательный крик петуха разорвал ночь на до и после. Баба вновь дернулась, глядя, как гостыя уходит по тающим лучам лунного света, унося с собой малышку. С огромным усилием оторвала пальцы от бревен, желая вынуть ненавистное копьё, с радостью узрела, как оно тает на глазах, перестав стеснять движения, и вскочила, просыпаясь.

Женщина открыла глаза, завороженно прислушиваясь к крику горластого побудника, проморгалась и вскочила с кожуха, мгновенно вспоминая случившееся... или всё же привидевшееся? Прильнула к люльке и под скрип открывающейся двери в горницу прижала к груди на удивление спокойного младенца.

Стоявший в дверях уставший Ждан, только что вернувшийся с ночного выпаса, с удивлением, сменяемым тревогой, смотрел на поседевшую за ночь жену.

* * *

Шестнадцать вёсен спустя

– Отпусти!

Идея освежиться, поначалу казавшаяся лучшим решением после изнурительного дневного перехода, на поверку вышла боком. Лесной ручеёк, игриво манящий лунными бликами и прохладой, исходящей от быстро бегущей водицы, в итоге оказался затейливой ловушкой, силками – вероятнее всего, поставленными именно на него.

За плечами было несколько месяцев блужданий и поисков. Плутания вслепую, города и поселения, сплавы на торговых ладьях по рекам, волоки и нападения разбойников. Он один раз даже поучаствовал в божьем суде, встав на защиту сиротки-княжны, которую намеревались отдать в жены за соседского княжича, а имущество разделить между боярами. Да, те места надолго запомнят витязя по имени Баюн. Стоявший на коленях воин усмехнулся – пройти такой путь, выжить в нескольких лесных стычках, будучи караванным стражем, и так нелепо попасться.

– Отпусти! – несмотря на свой человеческий облик, Кот зашипел по-звериному.

Речушка не отвечала, продолжая задорно бурлить. Погруженная в неё по локоть рука немела от холода. Воин рванулся, в очередной раз осознав всю тщетность попыток высвободиться. Вода держала крепче смолы, лишь немного поддалась напору спутника Макоши. Он огляделся –

лучшего момента для нападения не сыскать. Лес на удивление был тих и спокоен, ни одного признака приближающихся лиходеев.

Кот опасливо умылся свободной рукой. Нет, река не стала захватывать и её – жертва поймана, ей никуда не деться. Умылся, резко погрузив лицо в воду, и тут же поднял, радуясь, что река и её не заграбастала. Посмотрел на лежащий подле шлем, подумывая перекинуться рыбкой и тут же выпрыгнуть из воды лягушкой – такого речушка явно не могла ожидать. Тратить Силу не хотелось. Макошь, пославшая его найти в Яви следы некоего лиходея, обещала, что, с потерей каждой из девяти жизней, его Сила будет расти, высвобождаясь из оков плоти. Вот только терять для этого жизнь не очень хотелось, потому приходилось больше полагаться на короткие мечи, притороченные к спине, нежели своим способностям к чародейству.

– Отпусти!

Баюн не оставлял надежды, что захватившая его Сила наиграется и выпустит руку. Тщетно. Житель Ирия не сразу привык к человеческому облику. В доме Макоши он всегда был в кошачьей ипостаси. Ходить на двух ногах, да еще с ног до головы закованным в тяжелый доспех – то ещё удовольствие. Но привык он быстро. После первой же стычки, оставившей на броне несколько глубоких зарубок, по достоинству оценил все преимущества своего второго я.

– Эх, остался бы в кошачьем облике – пил бы воду языком. Хотя, – он задумался. – Быть схваченным за язык ещё меньшее удовольствие.

Деревья, потревоженные налетевшим с полей тиховеем, зашептались, недовольные проискаами гулёмы-ветерка. Чуткий нос Кота коснулись острые коготки неприятного запаха.

– Плесень? – Баюн огляделся, благо в облике человека он сохранил возможность видеть не хуже кошки – никого.

Его острый слух всё так же не давал повода беспокоиться. Но плесень! Именно её посланник Макоши и искал. Именно так пахнет лиходеи и всё, что с ним связано. Ловец стал добычей, нелепо угодив в ловушку. Выходит, придётся менять облик. Он недобро взглянул на речушку. Та словно чуяла настрой кота – изменила скорость течения и, как показалось пленнику, слегка ослабила хватку.

– Отпусти, – прошипел Кот. – А не то...

– А не то, что? – раздался в ответ игривый девичий голосок с лёгким оттенком тревоги.

Баюн едва не подпрыгнул – помешала погруженная в воду рука.

– А вот что!

Он уставился на водный поток. Зрачки тут же закатились, обнажая белки глаз. Река вздрогнула, попыталась бежать быстрее, но стала замедлять течение, будто начала замерзать, хотя ледяная корка и не думала появляться. Тот же девичий голос с трудом, словно едва ворочая языком, прошептал:

– Пре-к-ра-ща-й.

– Отпустишь? – по лицу витязя скользнула тень улыбки.

Кот вновь смотрел зрачками. Потянул руку на себя – она поддалась. Река, будто густой кисель, скатывалась по запястью, и когда у пленника в воде осталась только кисть, Баюн почувствовал, что его пальцы сжала тоненькая, но довольно хваткая девичья ладонь.

– Помоги встать, чародей, всё не могу прийти в себя от твоего взгляда, – девушка говорила устало, словно после тяжелого трудового дня.

Кот поднялся на ноги, увлекая реку за собой. Миг и перед ним оказалась состоящая из воды полупрозрачная

дивчина. Воин огляделся: полянка и лес на месте, а реки будто бы и не было.

– Добился своего? – она едва не упала и, невольно оперлась на плечо собеседника. – К нему теперь поведешь?

– К кому? – Баюн удивленно изучал новую знакомую.

– К хозяину своему, – она ощерилась. – К тому, по чьей воле за мной охотился. Чую-чую его смрад. Давно его почуяла, потом ты появился. Ну, думаю, утоплю. А не сладила с тобой, не смогла утянуть на дно.

– У меня нет хозяина, – он взял её за плечи и пристально взглянул в омут голубых глаз. – И я сам давно ищу этот запах. Думал, что ты меня ради его носителя заманила и в плен взяла.

– Шутишь? – девушка прыснула, расслабляясь. – Искал? Да от него бежать надо, со всех ног не оглядываясь.

– Так беги, чего медлишь?

– А ты? – она подняла голову, взор начал проясняться.

– А мне нельзя. Я его поймать должен.

– Поймать?! – она прыснула. – Ой, насмешил! Да я сейчас свалюсь от хохота, да обратно булькающей лужей стану. Поймать! Ах-хаха!

Спутник Макоши насупился.

– Ты собственно кто такая?

– А ты? – девчонка смолкла, прищурилась.

– Я – Кот Баюн.

Она призадумалась, скривила губки.

– Баюн, Баюн, ммм, нет, не слышала.

– А ты кто? Назовись!

– Вот ещё, – девушка фыркнула, задрала носик. – Будет дочь Водного Владыки каждому называться! Ой...

Кот невольно склонил голову. Девушка улыбнулась, но тут же вновь помрачнела, почуяв усилившийся запах плесени.

– Выходит, тебе известно, чей это запах?

– Конечно, – она всплеснула руками. – От него я и бегу, от него я тут и затаилась.

– Бежишь? Во владения отца пробраться хочешь?

– Если бы, – девушка опустила очи. – Из них и сбежала.

– Почему же? – Кот обернулся, осматриваясь. Он, как и собеседница, чувал опасность, но не ведал откуда её ждать. – Никак замуж выдать хочет?

– Если бы замуж, – она засияла. – Да за такого славного котейку! – водяница неожиданно сделала шаг вперед, повисла на шее воина, с громким чмок поцеловала его в порозовевшую от стыда щеку.

– Полно тебе, – покраснев ещё сильнее, Кот отстранился от смеющейся собеседницы. – Говори как есть!

– А так и есть! – она повысила голос. – Замуж отдать хочет. Да выведала я, как – не спрашивай, а выведала: не нужна я ему, за Силой моей охотится.

– Силой? – удивился воин.

– Да, Силой. И не тебе, жителю Прави, удивляться. Или полагаешь, только вы можете к ней прикасаться?

– И много в тебе Силы?

Девушка подняла брови.

– Вновь хочешь на себе испытать? – она посерьезнела. – Да, коли хочешь знать, в моём отце заключена одна из искр Прародителя. Частица первозданного Белого Света, из которого и была скована Сварогом – его первым сыном – Единая Сварга. Удивлен, мурлыка? – она вновь перешла на игривый тон.

Ответить Кот не успел. С лугов, цветастым ковром раскинувшихся за деревьями, раздалось полное злобы и отчаяния: «Бегите!» Недавние знакомцы переглянулись и, не сговариваясь, сорвались с места. Баюн молниеносно подхватил шлем и бросился в заросли, из-за которых и слышались крики. Водяница кинулась в противоположном направлении, остановилась, слегка

помедлила и двинулась следом за собеседником, осторожно ступая по игольчатому ковру молодого сосняка.

* * *

– Дядька Ждан, а правду про тебя бают?..

Безусый малец, впервые допущенный на ночное, с искренним интересом смотрел на задержавшийся глаз главного деревенского пастуха. Мальчишке было невдомёк, что старшие ребята, горящими озорством очами наблюдая за происходящим, неспроста зажимают рты кулачками всеми силами стараясь сдержать рвущийся из груди смех. Пастух, напротив, отлично всё понял, цепким взглядом выцеливая заводил, которые и науськали несмышленного на дерзкий поступок. Поймавшие дядькин взгляд тут же давили в себе смех и опускали очи, понимая, что переступили черту, за что в скором времени придется принять наказание по-взрослому. Ждан хоть и справедлив, но довольно суров, да и рука у него тверда не по годам, недаром оба его сына сразу после дня Перуна и посвящения в воины отбыли на сторожевую заставу, стоящую на границе степи и обжитых мест, чего не достаивался в их возрасте ни один из сыновей Большого Ужа – их родной деревеньки. После раздачи безмолвных обещаний зазнавшимся подпаскам пастух перевел взор на ждущего ответ мальчишку.

– Говори, Новик, что же про меня бают?

Ничуть не удивленный пристальным взглядом и тоном дядьки, не в силах более держать на языке вертящийся зубастой колючкой вопрос, мальчик выпалил:

– Правда, что ты обещал водяному его болото осушить, а всех его мавок сетью изловить?

Ждан чмокнул, теребя длинный завивающийся ус. Не о том он ждал вопроса.

– Было дело, – нехотя выдавил из себя пастух.

Подбодренный ответом Новик, которого коснулась тень сомнения в правильности своего поступка, воспрял духом и не останавливаясь, – чего искренне ждали одумавшиеся зачинщики разговора, – продолжил.

– И то, что в гости тебя Владыка Трясины пригласил – не врут? – мальчик затаил дыхание.

– Не врут, – ухмыльнулся Ждан, медленно обводя взглядом притихших подпасков.

То, о чем было велено никому не говорить, кроме прошедших посвящение, которое он сам и проводил, стало достоянием несмышленного отрока. Как бы он не разболтал услышанное всему селению. И не дай боги это дойдет до совета старейшин или тем паче до кудесника Богуслава. А ведь дойдет. И кто же у нас такой болтливый: Завид или Тишило? И как Ратко, поставленный старшим среди подпасков, допустил такое? Ишь, глаза в землю пуще всех прячет – чует, чем ему грозит нынешний разговор. А может, он и науськал малого? Подрос, оперился, почуял вкус власти. Или не он?

Терзаемый сомнениями Ждан с горечью понимал, насколько зыбкой оказалась его затея. С самого первого дня, да что там дня, с момента, когда он, запыхавшийся с дороги, с переполняемой душой радостью отворил дверь в совсем недавно поставленный дом и влетел в горницу, но вместо долгожданных объятий молодой жены встретил поседевшую за ночь бабу, испуганно прижавшую к себе дитя, решил, что будет делать. Идти на такое одному – неминуемая погибель, да и не сладить, не сдюжить. Говорить старейшинам – так не поверят, и кудесник ничего

не сказал, даже после стольких лет, сколько Цветава носит на руках их не взрослеющую дочурку. Да и он сам, как только переступал порог избы, напрочь забывал о тревогах, обнимал жену и баюкал дочку, которая совсем недавно увидела свет, а в себя приходил только вдали от дома, на ночных выпасах. Под Луной голова будто прояснялась, позволяя трезво оценить происходящее – не может малютка оставаться малюткой столько зим. Нет, нужно было действовать самому и только самому.

Готовиться он начал давно. Поначалу надеялся на сыновей – вырастут, помогут батьке. Оттого не давал им спуска, заставляя закалять тело и дух, учил воинской науке, а когда сам перестал справляться, попросил воеводу, и без того сурового, иссеченного шрамами рубаку, быть строже и не давать продыху. Понимание своей ошибки пришло не сразу. Желание выяснить, что всё-таки произошло в ту ночь, затмило очи. Благо он вовремя прозрел и, видя, как сыновья мучаются, живя в доме с нерастущей сестрой, скрипя сердцем, отпустил на заставу и взялся за подпасков.

– А про гусли тоже правда? – предвкушая прикосновение к настоящей тайне, Новик затаил дыхание.

Мальчишки притихли настолько, что казалось – будто они и вовсе перестали дышать. Ждан медленно сорвал травинку, засунул кончик в рот, сжал губы, покрутил стебелёк языком, выплюнул. После чего нарочито неспешно спросил, обращаясь больше к подпаскам, нежели к взволнованному новичку, который вроде и чуял неладное, но остановить свой язык был не в силах.

– Может, и правда, а может, и враки, смотря о чём именно говорят болтуны, – при этих словах он сломал небольшую веточку и бросил её в костёр.

Казалось, что от неожиданного хруста хворостинки вздрогнули не только дети и бродящие неподалеку лошади, но и сама тьма, пронзенная лучом лунного света.

Заметивший это Ждан нахмурился. Не обративший внимания на такую мелочь Новик, захлебываясь, продолжил:

– Что в гости в трясины ходил, на угощение к Трясиннику. Что потчевал он тебя, как родного. Что остаться предлагал, да испытаниями проверял. Что плясать заставил, а ты и плясал. Что гусли-самогуды подарил, да назад вывел. Правда? Правда это?

До людей донесся слабый запах едкой плесени. Глядя поверх подпасков, Ждан перехватил рукоять кнута, поднялся. Всё, о чём тараторил Новик, было, так или иначе, но было. Пастух сам поведал эту историю мальчишкам, желая проверить крепость их духа, да верность слова. Но ошибся в ком-то из них. Готовил для дела, на которое они пока малы, а как подрастут – можно и рискнуть с теми, кто не струсит. Не просто так Ждан хаживал к Водяному, не ради гостинцев и подарков. Понять хотел – что же случилось той ночью, после которой жена стала седой, а дочка перестала расти. Много, ой, много поведал Трясинник. И о том, что мир их, совсем недавно бывший единым, раскололся, и об изменениях, что последовали после. И о памяти людской – короткой, что летняя ночь, – почти сразу забывшей о Великой Сварге. И о детях Луны, что приходят по ночам, и горе тому дому, покой которого они потревожат. Не знал только Водный Владыка, куда они уходят днем. Не знал, или решил не говорить – тут Ждан терялся в догадках, – чуял, что ему не договаривают, но ни подловить на лжи, ни укорить прямым вопросом не смел, и без того много узнал – не переварить в голове всё полученное за один выпас.

– Бегите!

Пастух говорил тихо, тоном, не признающим возражений. Приученные повиноваться слову, да что там слову – взгляду, движению брови, – подпаски сорвались с

места, устремляясь к коням. Замешкался только новичок, но тут же был схвачен Раткой. Ждан не глядел на мальчишек – знал, не подведут: вскочат на неоседланных коней и в селение, под прикрытые частокола. Да, ночное возвращение табуна наделает шума, лишь бы через ворота пустили. Потом придется поведать всё старейшинам, воеводе и кудеснику. Но сейчас это мало заботило взъяренного пастуха.

– Вот и свиделись.

Ждан опустил кончик длинного кнута в костер, подождал, пока огонь распробует угощение, после чего очертил вокруг себя и костра огненный круг. Пламя нехотя вступило на утоптанную траву, образуя преграду, к которой уже приближалась белая смутная тень. Запах плесени усилился.

– Глупец, – вставшая перед огнем ночная гостья пустыми глазницами буравила пастуха, укрывшегося в осторожном круге. – Догоню этих, затем займусь тобой.

Она двинулась в обход, медленно плывя над землёй. Ждан не мешкая заткнул рукоять кнута за пояс, поднял кожаную суму, промазанную жиром, и ловко вынул небольшие гусли, тут же ударил по струнам. Тень колыхнулась, резко обернулась к человеку.

– Далеко ли собралась? – пастух вновь ударил по струнам, заиграв незатейливую мелодию. – Вновь детей воровать пришла?

Тень повернулась к нему, пристально изучая наглеца темными впадинами вместо очей. Дернула плечом, затем головой, снова плечом. Наигрыш усилил напор, Ждан сам начал приплясывать. Не удержавшись, дитя подлунного света закружилась, будто в хороводе, всё наращивая скорость движения.

– Ух! – не в силах продолжать играть, пастух устало выдохнул. Мальчишки были уже далеко – можно перестать думать о них и заняться тем, к чему он так долго готовился. – Как тебе плясовая? Слышал, ты любительница хороводы водить да людей маять!

Дернувшийся в сторону селения призрак вновь резко остановился. Протянул тонкие руки с длинными острыми когтями к человеку, будто позабыв о преграде. Дернулся, простонал и принялся.

– Продолжим? – отдышавшийся Ждан вновь провел рукой по струнам, заставляя противника корчиться и трястись. Благодаря отчаянному походу в трясину, пастух

ведал, что ему нужно продержаться до рассвета, час которого совсем близок.

Полуночица хмыкнула, расщерив рот в гримасе, и обнажила два ряда острых зубов, после чего насмешливо произнесла мелодичным голосом:

– Как там твоя дочурка? Уже выросла?

Ждан заскрипел зубами. Отбросив гусли, он выхватил кнут и под издевательский смех призрака шагнул из бережного круга.

* * *

– Вот ты, значит, какой, лиходея, не дающий покоя Макоши?!

Мечи вышли из притороченных за спиной ножен с радостным шёпотом. Предвкушая грядущий бой, клинки крутанулись в руках воина, ненароком срубая молодые веточки и слишком близко прижавшиеся к доспеху побего разросшегося на опушке кустарника, и замерли, набираясь решимости перед предстоящей пляской.

– Ты же не думаешь вмешаться? – Водяница приблизилась неспешно, с легким шелестом травы под прозрачными ногами. Положила влажную ладонь на стальной отполированный до блеска наплечник, наклонилась, глядя между веток на происходящее.

– А как иначе? – бодрясь яростным азартом, Кот пофыркивал. Будь он сейчас в кошачьей ипостаси – обязательно бы выгнул спину, поднял хвост и яростно зашипел, готовясь к бою. – Ты говорила, он тебя замуж хочет взять? – воин мельком взглянул на лицо спутницы, застывшее подле его шлема. Она кивнула в ответ. – Тогда я не понимаю: плесенью веет от этой, прозрачной... – он замаялся, вновь посмотрев на Водяную Княжну – не обиделась ли, и, видя, что слова её не тронули, продолжил:

– Как же она тогда тебя сватала, коли сама баба, пусть и полувидимая? Я поначалу думал, что дед лиходея, да и Силой он пользуется, пусть и крупницами, но его умение от кого-то из Прави – верно чую, – да и вряд ли хрыч стал бы свататься к тебе.

Водяница одарила Кота благодарным взглядом. Затем, не сдержавшись, хихикнула и прошептала:

– Глупый, глупый котейка! Не она свататься ходила. Твой лиходея сейчас гостит в озёрном имении моего отца, оттуда я и сбежала. А эта... – девушка махнула рукой в сторону разворачивающейся на лугу битвы, окропив ближайшие кусты веером блеснувших в свете Луны капель. – Это слуга твоего лиходея. У него большая свита. Да ещё, бывает, человеческих детей по ночам приносят, – она резко оборвала речь, понимая, что сболтнула лишнего.

Баюн пристально посмотрел в испуганные голубые очи.

– И зачем ему дети? – Кот рыкнул.

– Не ведаю, – Водяница хлюпнула носом. – Я сбежала почти сразу после его прихода. Поначалу пряталась по близлежащим болотцам да трясинкам, но когда поняла, что отец так просто не отступит – удумал погоню за мной отправить, – решила сбежать в... – она вновь резко смолкла, страхась выдать недавнему знакомцу место, в котором планировала укрыться.

Баюн понимающе кивнул. Он не собирался выяснять, куда бежит дочь Владыки Вод, хотя, положив руку на сердце, устал от одиноких скитаний и был бы рад разделить тропу с озорной девушкой. Но воровство детей и творящееся лиходейство заботило посланника Макоши куда больше. Прядильщица говорила, что творимое супостатом находится за пределами её видения, что само по себе вызывает интерес и тревогу. Потому наказала: выследить и изловить, а коли изловить не получится – досконально выяснить: кто он и что замышляет. Первые два месяца в

Яви породили в груди следопыта тоску и уныние, он уже собрался вернуться с пустыми руками в Правь. И вот удача – след найден, нужно действовать.

– Теперь-то я тебя не упущу!

Кот легкой поступью двинулся сквозь колючий кустарник. На третьем шаге на его руку легла ладонь спутницы. Баюн вопрошающе взглянул на неё.

– Не ходи!

– Отчего же? – к воину вернулись подозрения – а не водят ли его за нос? Может статься, что она никакая не беглая невеста, а соратница лиходеев?

– Я видела их Силу, – девушка замялась. – Точнее не Силу, а полное её отсутствие. Чувство не из приятных: будто смотришь в бездонный колодец, а колодец глядит в тебя, желая пожрать всё естество.

Кот призадумался, взвесил свои клинки:

– Сейчас и проверим, на что они способны.

И вышел из зарослей. До него донесся смех призрака:

– Как там твоя дочурка? Уже выросла?

Кот не до конца понимал, что происходит, но видел, как использующий Силу живой зачем-то отбросил спасительные гусли, которые отгоняли Ночницу от кольца горевшей травы, замедляя его движение, и шагнул сквозь колышущийся на ветру огонь, хлестко стеганув кнутом, с извивающегося кончика которого тут же сорвались огненные блики. Полуночица рассмеялась в ответ, с жадностью глядя на то, как живой сам идёт в её руки, и, ловко увернувшись от огненных капель, скользнула вперед, целясь длинными острыми ногтями в горло смельчака, бросившего ей вызов.

– Ты мой, человече!

Призрак рассмеялся. Когда её цепкие пальцы почти дотянулись до горла намеченной жертвы, Ждан нырнул вниз, оставляя в руках нападавшей клочок волос, затем сделал

шаг в сторону и резко назад. Хлесткий удар случайно сорванной и обжегшей руку травинкой заставил Ночницу отшатнуться, словно от увесистой оплеухи. Пастух бросил косой взгляд на зажатый в ладони чертополох.

– Значит, ты не всесильна, – человек рассмеялся, отходя назад для того, чтобы можно было стегануть кнутом. – Получи, лунное отродье!

Щелчок вышел на диво резким, молниеносным, словно перун громовержца. Оправившаяся от неожиданной оплеухи Ночница сделала шаг вперед и тут же стремительно отлетела на несколько саженей, сбитая с ног метким попаданием – несмотря на годы, рука пастуха оставалась всё такой же твердой, как в молодости. Призрак взвыл, оглушая округу пронзительным визгом, в котором смешались ненависть, боль, досада и призыв, после чего уклонился от повторного щелчка, растворившись в воздухе, и тут же возник в лучах лунного света за спиной оторопевшего Ждана.

– Обернись! – Кот бежал, перепрыгивая через кочки, не успевая на подмогу.

Растерявшийся пастух с удивлением воззрился в темноту, откуда раздался незнакомый голос, и тут же рухнул в траву, едва не упав лицом в огненный бережный круг. Возникшая за его спиной Полуночница бросила заинтересованный взгляд на приближающегося Кота. Взглянула на живого, убеждаясь, что на некоторое время он перестал представлять для неё помеху, и шагнула в сторону нового нападавшего, от которого за версту разило такой вкусной и манящей Силой. В странном существе её было столько, сколько она ещё не встречала. Дочь ночи помнила о наставлениях отца беречься тех, кто может нести в себе столько Силы, но уже не могла сдержать голод, поселившийся в её утробе зияющей дырой. Опустив голову

и растопырив когтистые пальцы на разведенных в сторону руках, Ночница пошла навстречу витязю.

Видя, что ему удалось отвлечь лиходейку от упавшего живого, Баюн ускорил бег, в самый последний момент нырнул под ноги призраку, резко разводя руки, сведенный в перехлест. Заговоренные самим Перуном мечи должны были рубануть по лодыжкам нападавшей, но пронзили пустоту – Ночница возникла позади озирающегося Кота, который второпях искал, куда она запропастилась. Нашел, когда в шлем уже летела рука, сверкающая в лунном свете остротой ногтей. Увернулся, перекатываясь на бок. Откатился назад, уходя от второй руки, рассекшей землю. Крутанул ногами, описывая круг, и вскочил, моментально уклоняясь от очередного размашистого веера когтей – лиходейка была и быстра, и точна. Если бы Кот был обычным живым – на этом бой бы и закончился. Но посланник Макоши не был жителем Яви, потому ловко уходил от ударов, набирающих всё большую скорость, не забывая в ответ орудовать клинками.

Полуночица, словно лунный свет, то исчезала, то появлялась вновь. Мечи Баюна свистели по воздуху, изредка срезая клочья призрачной и без того дрянной, изъеденной временем, одежды. Воину приходилось крутиться волчком, не останавливаясь, иначе каждый укол Ночницы мог оказаться последним. Она тоже не всегда могла приблизиться к витязю, застывая и вслушиваясь в темноту, словно ожидая чего-то или кого-то. В момент одной из таких передышек, Кот заорал:

– Стой, я хочу пленить её!

Полуночица дернулась, не успев напасть на Кота. Судорожно затряслась, с трудом оборачиваясь назад. Ухмыляющийся Ждан опустил руку, в которой был сжат пустой кожаный мешочек. В другой руке пастух сжимал несколько черных камешков соли. Полуночица начала

таять, растворяясь в воздухе. Она попыталась развернуться, но старик со злостью кинул один камешек в призрака.

– Это тебе за жинку.

В том месте, куда угодила соль, появилась брешь, тут же начавшая расширяться.

– А это за Вараксушку.

Второй камешек пролетел рядом с первым, окончательно стирая ей лицо.

– А этот за меня, – Ждан растер камешек в руках. – Тебе стоит забыть дорогу к нашим домам. – После чего сыпанул растертую соль в лицо призрака.

– Стой! – Баюн не верил, что живой так легко управился. – Она нужна мне!...

Пастух бросил тяжелый взгляд на воина и охнул – таявшая на глазах Полуночица шагнула вперед, обхватывая человека. Глаза старика округлились от изумления. Ждан глубоко вдохнул, застывая с раскрытым ртом. Дальнейшее произошло одновременно: оглушая округу диким криком, Полуночица полностью истаяла, Ждан рухнул в траву, словно мешок, наполненный репой.

* * *

– Ходу, ходу! – Ратко нещадно бил босыми пятками по бокам пегой кобылы, самой старой и уважаемой другими лошадьми в табуне.

Именно она помогала выбирать лучшее пастбище, водопой и поддерживала порядок во время переходов. Сейчас пегая первой неслась в ночи, рискуя переломать ноги, ведя табун к дому, под прикрытие высоких бревенчатых стен и крепких тугих луков. Вожак шёл последним, без седока, следя за тем, чтобы никто из жеребцов не отстал. Кони почуяли неладное гораздо раньше

людей и были рады, что двуногие братья решили покинуть столь опасное место.

Испуганным мальчишкам чудилось, что табун несется сквозь время. Многие из них с радостью бы остались и вступили в бой плечом к плечу со Жданом, но годы занятий с состарившимся пастухом дали свой результат – его слово стало для них законом. Старшие подпаски понимали, что их наставник во всём прав: нужно поднять селение, предупредить кудесника и прийти на подмогу. Ратко и ещё несколько парней знали тайну Ждана и истинную причину похода к Водяному, оттого сразу смекнули, кто пожаловал к ним на огонёк.

Люди и лошади превратились в единый организм, состоящий из четырехногих двуруких существ. Словно китоврасы из легенд о полузабытой Сварге, они неслись сквозь ночь к рассвету, осеняемые полной Луной, недовольной тем, что живые посмели уйти от цепких лап её блудной дщери. Рассеченная взмыленной отвагой тьма беспрепятственно пропускала табун, от которого разбегались звери и те, кто жил впотьмах.

– По одному!

– Смотрите в оба!

Завид и Тишило как могли помогали предводителю пастушьей ватаги, когда с лугов и полей табун сходу влетел на лесную тропу. Защелкали кнуты, отгоняя светящиеся в ночи пары голодных глаз, копыта ударили по живому, заскулили лесные охотники, досадуя, что легкая, на первый взгляд, добыча нанесла ощутимый урон стае. Заухал растревоженный филин, сетуя на поднявшийся гомон, спугнувший жирную мышь. Бешено стрекотали сверчки, стараясь попасть в такт ударов копыт. Мирно спящая подле тропы живность бросилась наутёк, спросонья не понимая, отчего земля загудела и начала нервно колыхаться. И только Луна одноглазым циклопом спокойно взирала на

бешеную скачку. Ей было некуда спешить – впереди ещё шесть ночей её наивысшей силы. А людишкам всё равно не уйти – будь то поле, лес или их ничемное убежище, именуемое домом, – Полуночницы скоро наведаются в гости.

– Прорвались! – Ратко, как и остальные ребята, державшийся за гриву, осадил запыхавшуюся кобылицу, не меньше его натерпевшуюся страха за себя и за молодняк. Свернул с тропы, считая коней и подпасков. – Вроде все. Завит, как вы?

Мальчишка, двигавшийся предпоследним, дабы защитить молодняк, досадливо потирал левое бедро.

– Цапнул разбойник. Двоих я кнутом, а этот не к жеребцам кинулся, а на меня. Благо Буревой тут же саданул его копытами, серый и отстал. А здоровый-то какой, видать, новый вожак в стае.

– Да, мы слышали его визг, – поддержали друга скакавшие перед ним ребята.

– Не сладкими будут нынче охоты, серые могут не простить нашей дерзости.

– И не простят. Но что ж поделать, – досадливо выдохнул Ратко. – Коли все целы – в путь, осталось немного.

Едва отдышавшийся табун двинулся дальше. Впереди был брод и подъем на пригорок, на котором и стояло селение Большой Уж.

– Тишь, тише вы! Ещё не хватало с Водяным поссориться – в неурочный час вброд полезли.

Лошади, казалось, понимали человеческую речь, старались не мутить, не бередить воду. Двигались медленно, словно пробирались в стан неприятеля.

– Ух и попадёт от Богуслава.

– Нас же и заставит задабривать.

– Да тише вы! Всех мавок распугаете.

Близость дома и пережитая скачка придали уверенности в себе.

– Где тут мавкам-то взяться?

Ответом был девичий смешок из камыша и бульканье воды. Ребята тут же смолкли, с опаской озираясь по сторонам.

– Говорят, раньше, – подал голос Тишило, когда табун выбрался на берег, – никаких мавок не было.

– Хозяин вод был, а мавок не было? – усмехнулся нервничающий Новик, до которого начало доходить, что старшие подшутили над ним и теперь ему лучше не встречаться со Жданом.

– Так говорят же... – неуверенно буркнул один из старших подпасков.

– В Велеграде говорят, что бояре кур доят, – раздалось со стены.

– Чего расшумелись?! – подал голос второй стражник. – Хотя если бы не шумели так, мы бы вас стрелами попотчевали.

– Видать, они забыли науку Яробуда! – усмехнулся стражник, подавший голос первым. – Ладно, ночуйте у стены. На рассвете разберемся, что с вами делать, – страж сладко зевнул. – Да воеводе поведаем, сколь вы шумные, да неумелые. Вас от леса было слышно. Чего лошадей зря гнали, будто за вами Шкурапей со своей дружиной ползёт?

– Нам нужно... – подал голос оробевший Ратко.

– Нужно ему, – недовольно бросил второй стражник. – Говорю же, ночуйте у сте...

Договорить он не успел. Со стороны селения властный голос повелел:

– Что, лежебоки, совсем обленились? Я не мальчикам, а вам устрою ратоборческие состязания поутру. Сказали же: отворяй ворота, с вестью пришли. Оттого и мчали.

Стражники подпрыгнули на месте. Один из них, немало удивленный словоохотностью обычно молчаливого воеводы, скрылся в башне, сторожащей вход в селение. До встревоженных подпасков донесся быстрый топот по бревенчатой лестнице. В скором времени скрипнули засовы и, под гул множества поднимающихся на стены ног, массивные двери разошлись. Над частоколом показались воины в шишковидных шлемах, держащие в руках натянутые луки. Выходит, их ждали. Но кто принес весть? Ответ пришёл сам собой.

– Не мешкайте! – голос кудесника будто чаша до краев наполненная тревогой – легонько толкни и разольешь. – Завид, с остальными разведете коней по дворам, затем живо домой. А ты, Ратко, и ты, Тишила, за мной, поведаете о случившемся. Я видел многое, но не всё – Сил не хватило.

Парни переглянулись, когда, войдя в ворота, натолкнулись на ряды воинов с копьями и увесистыми щитами,двигающихся на них строем в несколько шеренг. Селение закипало – все готовились к обороне родного дома.

– Не зевайте, – кудесник отвел парней в сторону. – Расскажите, что стряслось!

– На нас напали, – подал голос Тишила.

– Это я и сам ведаю. Кто напал?

– Мы не поняли, – Ратко опустил голову. Ждан приказал бежать.

– Что-то же успели узреть? – Богуслав хмурился.

– Она пришла из ночи...

– Из лунного света, – Ратко перебил друга. – Я видел, как она появилась и как изменился Ждан. Он будто ждал её.

– Эх, Ждан, жаль, я поздно узнал о его кручине. Поведал бы мне раньше – глядишь, вместе бы сдюжили.

– Правда, будто бают, что раньше мавок вовсе и не было? – невпопад спросил Тишило, тут же поймавший недовольный взгляд друга.

Кудесник поднял брови, но, на удивление оробевшего юноши, ответил:

– Говорят, – задумчиво произнес он. – По словам дедов, раньше много чего не было. Когда Сварга была ещё едина – Мир был иным. Потому нам надо заново привыкать к новым соседям, искать с ними общий язык, а где-то и управу на них. Именно этим нам и предстоит заняться. Как я понимаю, вы осведомлены, что произошло шестнадцать вёсен назад? – Богуслав испытующе поглядел на собеседников.

Ребята кивнули:

– Если речь о дочке Ждана, то да – знаем о том.

– Это хорошо, – старец огладил бороду. – Значит, не будем терять время. Идите за мной, подсобите по мере сил.

Следящий за разговором кудесника и мальцов стражник, тот самый, что первым со стены увидел приближающийся табун, усмехнулся, поправил перевязь меча и обернулся в сторону леса, над которым заиграли первые вестники грядущего рассвета. Посмотрел, протёр глаза, не веря увиденному, и, вновь повернувшись в сторону селения, заорал что было мочи:

– Смотрите, кто-то идёт!

* * *

– Вашей сестры больше нет.

Монотонный голос медленно раскачивающимся набатом возвестил о том, что все Полуночницы и без того знали – незримая связь между призраками была прочной. Каждая из них, а точнее первая и единственная Полуночница, разделенная на множество отражений самой себя, мгновенно поняла о случившемся.

– Вы стали слабее.

Полупрозрачные фигуры, стоявшие по кругу, в центре которого возвышался говорящий, склонили головы. Господин, сжимавший в руке посох с навершием в виде белого черепа, не ждал ответа. Господин любил, когда его слушают, беспрекословно, чётко и в срок выполняют повеления, и терпеть не мог вопросов, заминок или неповиновения.

– Молчите?!

Полуночницы склонились ещё ниже. Горящие багровым глаза, единственное, что можно было разглядеть под черным капюшоном, взглянули на каждую из сестёр, которые вздрагивали при касании тяжёлого взора. Единственное, что останавливало Тёмного перед сиюминутной расправой над провинившимися слугами – это была неиссякающая необходимость в них в грядущем начинании.

– А всё почему? – он с силой ударил посохом об пол, отчего тьма, лежавшая прелой соломой под ногами, вздрогнула, и начала волнами расходиться по залу. – Всё потому, что вы упустили дочь достопочтенного хозяина сих мест.

Ломающий комедию Колдун демонстративно нелепо склонился в сторону трона со спинкой из массивной ракушки на ступенях к которому, понуро опустив голову, сидел хозяин, а точнее бывший хозяин сих мест. Водяной, одурманенный вездесущей плесенью, явившейся вслед за незванным гостем, и сраженный Силой, таящейся, казалось бы, в щедедушном противнике, ничего не смог противопоставить захватчику, потеряв в скоропалительном бою большую часть подводной армии и свою власть.

Болотный Князь тербил любимый браслет дочери, связанный из её собственных волос, водорослей, жемчуга и нескольких ракушек. Водяница, несмотря на стражу из призраков, сумела сбежать и, как надеялся убитый горем

отец, сейчас уже находилась в безопасном месте. Подмогу, которая могла бы прийти на выручку Хозяину Вод, ждать было неоткуда – разрушение единства Сварги для многих отозвалось неприятным эхом.

Поселившуюся в зале тишину разорвали ленивые хлопки крыльев. И в то же мгновение льющийся из высоких окон свет Луны, слепо шарящий по стенам, закрыла собой фигура птицы, нагло порхавшая у окна, а затем усевшаяся на облизанный плесенью подоконник. Угольно-черный ворон зацокал коготками по выщербленному камню, старательно обходя смердящий налёт. Массивная птица, в несколько раз превосходящая в размерах обычного собрата, изучающе оглядела собравшихся, ничуть не смущаясь уставившихся на неё багряных глаз. Глазницы черепа, венчающего посох Колдуна, ожили, налились кровью и плеснули белым пламенем, метя в ворона, который упорхнул из окна за миг до удара.

Чародей ещё некоторое время смотрел на окно, после чего продолжил:

– Несите больше детей!

– Господин, живые учатся противостоять нам.

– Перечить? Мне перечить?

Полуночницы смолкли. Подала голос одна из сестер:

– Дай нас Силу сражаться с живыми.

Череп на посохе повернулся в её сторону.

– Силы? Я и так дал вам слишком много Силы. Идите и возьмите то, что мне нужно.

– Хорошо, Господин!

– И ещё – найдите беглянку! – Колдун ударил оземь посохом. – Пока я знаю, кем её заменить, но всё равно не мешкайте.

– Как нам это сделать? – подала голос Полуночница.

При этих словах Водяной вздрогнул и выронил браслет из рук.

– А вот как, – недовольный Чародей указал посохом на оброненное украшение. Прозрачная дева, паря над землей, приблизилась к не смевшему шелохнуться Водяному и подцепила длинным ногтем волосинку. – Справитесь?

– Справимся, Господин наш, – призраки одновременно склонили головы. Затем двинулись к окну, перевоплотились в сов, летучих мышей и ночных бабочек и, скользя по лунному свету, стелющемся тропой, покинули зал.

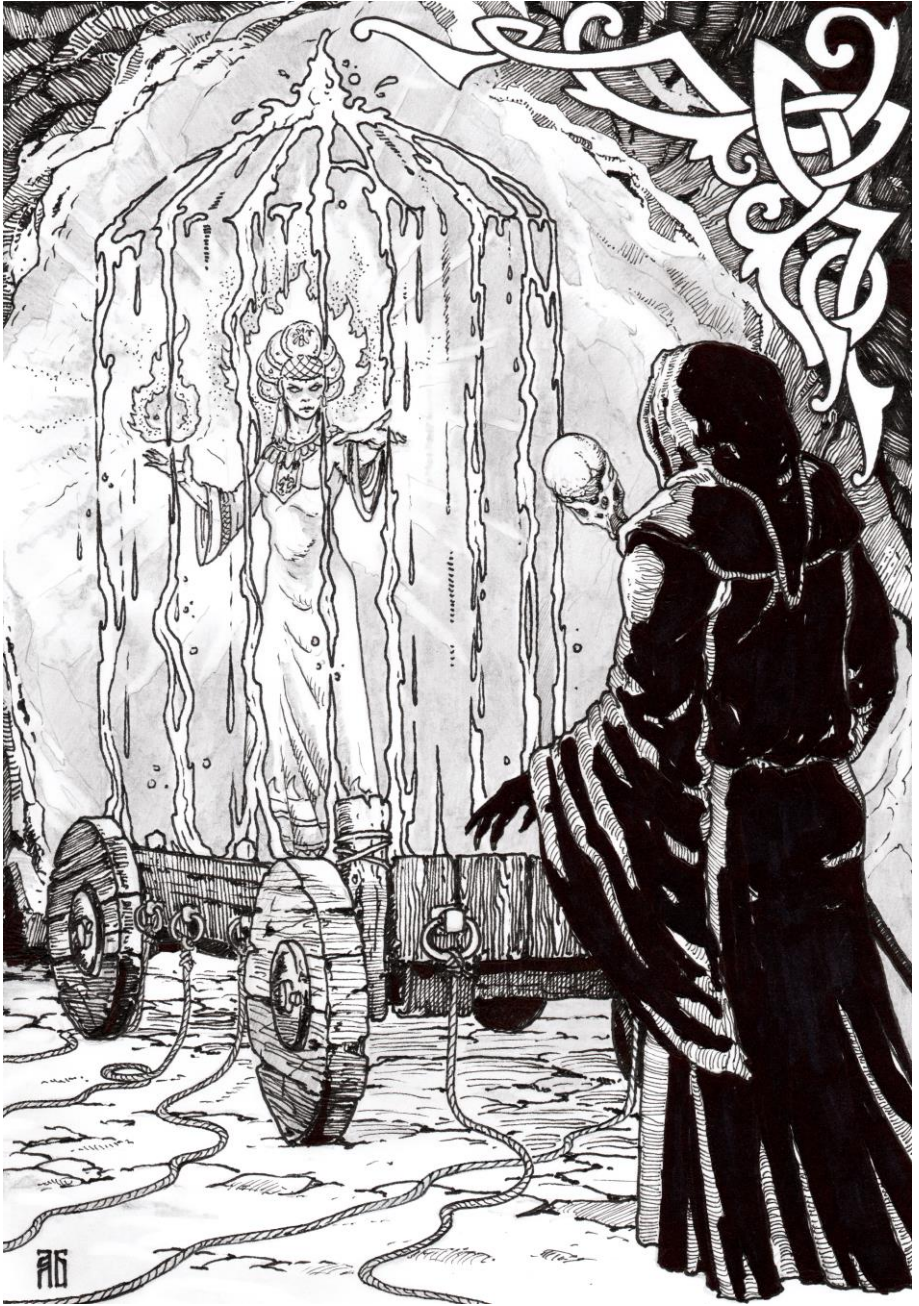
– Коли нет – лучше и не возвращайтесь, – Колдун ударил посохом два раза.

Некоторое время ничего не происходило. Затем дальняя стена, обласканная любопытным оком Луны, разошлась в стороны, впустив в зал невысокую тележку, которую тащили теряющиеся в царящей повсюду темноте тени, закутанные в черные плащи, по примеру своего Господина. На тележке громоздилась клетка, сотканная из водных струй, которые ни на мгновение не прекращали движение.

Когда конвой приблизился на достаточное расстояние, телега остановилась. Тёмный с интересом начал осматривать пленницу. Мечущаяся в клетке девушка сплошь состояла из огня. Она билась и билась о прутья решетки, пытаясь вырваться. Одергивалась от боли, кидалась в противоположную сторону, вновь стонала, но не желала уgomониться и признать свою участь. На миг их глаза встретились.

– Кто ты?!

Она устремила огненные руки к закрытому капюшоном лицу, но, не сумев преодолеть вертикальную струйку, отшатнулась, выпуская из пальцев гаснущие сполохи, один из которых почти долетел до цели, но посох был на чеку: глазницы черепа мигнули, поглощая чужую Силу.

– Ты можешь величать меня Черный Колдун или Мой Господин.

– Господин? – огненная дева рассмеялась, вновь идя на штурм преграды, казавшейся хлипкой, но державшей неимоверно надежно. – Ты ведаешь, кто я такая?

– Мне о том известно, приёмная дочь Шкурапея – владыки Змей.

– Раз так, – девушка смутилась – выходит, её пленитель понимает, на что идёт: месть трехглавого змея будет жестокой. – Отпусти меня поскорее, и я уговорю отца подарить тебе быстрый исход.

– Глупая, – чародей приблизился вплотную к водным струям. – Мне не страшна ни месть твоего названного отца, ни отца настоящего, коему до тебя меньше дела, чем Шкурапею.

– Ах ты! – она распростёрла руки, вливая в них всю Силу. Польшнуло так, что, не будь преграды из водяной решетки, весь дворец за считанное время превратился бы в угольки.

– Сильна-сильна, – потешался Тёмный. – Не трать зря Силу. Она уже не твоя.

– Кто же на неё претендует, – девушка старалась не терять силу духа.

– Тот, чья длань скоро закроет собой и Солнце, и Луну. Грядёт великое царствие, оно встанет над миром, объединив под собой расколовшуюся Сваргу.

– Не о себе ли ты вещаешь? – пленница не оставляла попытки выбраться – прутья, на которых она стояла, так же были водяными потоками, приносящими боль при всяком соприкосновении с ними, потому выбора биться или смириться с участью особо не было – всё было едино.

– Ты столь же умна, сколь неугомонна, дочь первозданного огня Сварога, искра, которая позволит гореть тысячам очагов. Но пока тебе будет достаточно согреть

единственный из них, да следить, чтобы мои юные рабы не мерзли, им это может навредить. – Эй, там, одну подменённую сюда и живо!

Пламя вновь колыхнулось, но штурмовать решетку не стало. Девушка с интересом следила, как из темени зала к теплу огня выбежала босоногая, постоянно ежившаяся девчонка. Если бы огонёк была человеком – их можно было бы смело назвать ровесницами.

– Эй, ты!

– Да, мой господин, – девочка бухнулась на колени. – Что пожелает мой повелитель.

– Славно-славно, – Колдун на мгновение засмотрелся на перекованного живого. Его чаяния воплощались в жизнь, обещая в скором времени привести к желаемому. Как поработить свободных? Нужно вырастить рабами их детей. Похищенные чада не попадали на обед жаждавшим этого похитительницам, не становились солдатами в его армии, пока не становились, они росли и крепили, вкушая вместе с горьким молоком Полуночниц свое нынешнее рабское существование, принимая его за единственно возможное бытие. Как победить Богов, когда у тебя нет на это Силы? Нужно поработить народ, который чтит этих Богов, отдавая им свою Силу. – Прислужи нашей новой гостье, да смотри, осторожнее с ней, когда будешь кормить.

Девушка кивнула, поднялась с колен и засемила к клетке, держа в руках вязанку хвороста. Беспрепятственно прошла сквозь струящуюся решетку, развязала тесемку и бросила ветки на водяные струи пола, затем презрительно кинула отошедшей в сторону пленнице:

– Чего встала, жри, паскудное племя!

После чего, недовольно морщась, оставила её одну.

Как победить Богов? Нужно заставить людей бояться их и оттого – ненавидеть.

– Водяница... – Баюн слабо шевелил губами. Едва слышимый голос застревал в прорезях шлема и неумолимо угасал.

Спутник Макоши умом понимал, что Водяная Княжна ещё прошлой ночью покинула опушку леса, спеша в неназванное убежище, но сердцем надеялся, что она тут: за пригорком, или вон за тем кустарником, растеклась ручейком, текущим из ниоткуда в никуда, и ждёт своего котейку. Своего? Воин одернул себя от дурманящих разум мыслей, настороженно прислушался – никого. И всё же ему не давал покоя мимолетный шелест крыльев, возникший и тут же растаявший над кронами величественных сосен, в ветвях которых удобно улеглась полная луна, с нескрываемым интересом наблюдающая за полуночным путником, решившим пройти вчерашней дорогой вспять.

Кот замер, выпуская наружу притаившегося в груди хищника. Закрыв глаза, превращаясь в слух. Лес отдался ему безропотно, не пытаясь сопротивляться хотя бы для вида. Нос втянул аромат ночной прохлады, с выдохом отпуская сознание ночного охотника, который, не обремененный телесной оболочкой, тут же понесся вперед и одновременно в разные стороны, изучая и обнюхивая, забираясь под каждый пенёк и скользя по стволам деревьев, облизываясь на птичьи гнезда и любуясь встревоженными, ничего не понимающими пичужками, забывшимися в своих птичьих грезах. Он словно бежал и ощупывал лес когтистыми лапками, лес отзывался, с упоением сливаясь с какофонией чувств и мыслей, с неожиданным налетчиком.

Баюн тяжело вздохнул. Открыл глаза. Впереди не таилось никакой мало-мальски серьезной опасности, но тревога не отпускала. Чутье, что острее любого человеческого, говорило о незримом наблюдателе, столь

могучем и сильном, который сумел укрыться от незримого взора следопыта.

– Ничего, – воин проверил, как мечи выходят из ножен.
– Сдюжим.

Тропа качнулась вперед, податливо стелясь под окованные железом сапоги, ступавшие мягко и бесшумно, несмотря на внушительный вес. Задира-ветерок зябкими пальцами проник в глазницы шлема, но тут же одернулся, не желая менять лесной простор на нахлобученное на голову путника ведро с глазами. Убедившись в отсутствии явной опасности, Баюн мысленно вернулся во вчерашний день, вновь и вновь прокручивая в голове слова местного ворожеи, старика Богуслава – который, надо же! – до сих пор помнил о Единой Сварге и старался передавать знания своим чадам, которые, как и остальной люд Яви, неумолимо теряли вековую память, уходящую песком сквозь пальцы.

– Ведаю, всё ведаю! – морщинистая ладонь похлопала латный доспех. – Бывал я в Ирии, в гости к праотцам хаживал. Сейчас многие мои слова воспринимают как сказ да прибаутки. Ты – другое дело. Вижу, не просто так пришёл, да знаю, кто послал, – старик поперхнулся, отхлебывая отвар из деревянной чаши. – А коли не знаю, так догадываюсь.

Они сидели в узенькой горнице, Баюн напротив кудесника. На столе, подле снятого с головы шлема, стояла чаша с душистым отваром из свежесушеных трав, в печи потрескивали угольки, доводя кашу до смаку, подле печи на лавке ютились испуганные мальчишки.

– Ратко, Тишило, – голос старика на миг потерял дряблость, став жестким, не признающим возражения. – Чего скукожились, словно вымя после дойки? – мальчишки от неожиданности подпрыгнули, переглянулись. – По лесу табун вести не побоялись, мавкин брод ночью перейти

посмели, а сейчас поникли, аки красны девицы. Так ли должны себя хозяева в доме вести, когда гостя встретили, да за стол усадили? – Он махнул рукой, не давая открывшему рот Ратке вымолвить слово. – Ай, ну вас, расти ещё и расти, желтобрюхие вы мои. Живо: кашу достать, меду в клетки набрать, ложки нам с гостем и себе добыть. Тишило – беги к матери за крынкой молока, да живо назад воротайся. А коли кто остановит, скажи: словом Богуслава ведомый и отрываться от дела не смеешь! Понял?

Парни кивнули, радуясь, что хоть на время могут уйти от тяжелого взора кудесника, и тут же сорвались с места выполнять поручения. Ратко в клеть, а Тишило до дому.

– Коли ведаешь, – подал голос молчавший до того Баян. – Может, знаешь и о том, что с Водяным приключилось, да что тут у вас с младенцами происходит?

Старик помрачнел.

– Экий ты торопыга. Да, понимаю, неспроста гость из Правы к нам пожаловал. Я по скудоумию своему подумал, что ты от нового Царя, чьи владения простираются ныне за огненной рекой, которая протекает далеко за горами.

– Ты и о нём ведаешь?

Богуслав недобро зыркнул на гостя.

– Я много о чём ведаю, много чего помню. То, что предки завещали людям, несу, да традиции помогаю блюсти, да слово Даждбожьё помнить. А Царь тот и раньше был, да только реки огненной не водилось в тех краях. Мир меняется. Мавки эти ещё озлобились, словно очернил их кто, да измарал-измазал.

– Плесенью? – Кот призадумался.

Кудесник взглянул на него уже без недовольства, с интересом изучая молодое лицо воина.

– Да, плесенью. Сдаётся мне, её носитель и является причиной случившегося, но это мои домыслы. Может, тебе

открыто иное? – Баюн потупился. – Выходит, что нет. Что ж, значит, нам самим выстоять нужно, да с напастью этой бороться.

– Я помогу, – гость сжал латный кулак. – Ты мне только скажи, где Трясинник ваш обитает.

– Так не мудрено это знание. Аккурат откуда ты пришёл – туда и иди. Там за дальним выпасом речушка петляет. Шагай против течения, а дальше не промахнешься. А мы к встрече подготовимся. Чует мой сердце, что нависло над нами лихое.

Баюн вздрогнул, прислушался. Погруженный в думы, он не заметил, как миновал лес и вышел на место вчерашней битвы. Кот подошел к выжженному на траве черному кругу, защиту которого так беспечно покинул пастух, решивший потягаться силами с Полуночницей. Принюхался – едкий запах плесени, вчера казавшийся едва различимым, сегодня усилился, заставляя морщиться при каждом вздохе. Кот уловил движение за спиной и отпрянул в сторону, обнажая клинки. Ударившийся оземь массивный черный ворон принял облик молодого черноволосого мужчины, чем-то отдаленно похожим на спутника Макоши, улыбнулся, поправляя остроконечную корону, и, одернув черный, как ночь, плащ, шагнул в сторону оцетинившегося следопыта. Подошел почти вплотную, с улыбкой глядя на скалившиеся с острия клинков кошачьи морды, после чего неспешно произнёс, будто бы ни к кому не обращаясь:

– Мир меняется.

Баюн отступил на шаг. От незнакомца веяло Силой, сродни с той, что несла в себе Макошь. Силой, ничуть не уступающей, а скорее всего, превосходящей мощь Прядильщицы. Кот начал догадываться, кто встал перед ним...